

«Парсифаль», Стефан Херхайм

«Гибель богов», Танкред Дорст

«Нюрнбергские майстерзингеры», Катарина Вагнер

«Тристан и Изольда», Кристоф Марталер

Опера о наследстве

ВАГНЕРОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В БАЙРЕЙТЕ

приглашает ГЕОРГИЙ ПЕСКОВ

BAYREUTHER FESTSPIELE — не просто фестиваль, а один из эпицентров европейской культуры. Самый закрытый, самый архаичный и потому самый престижный. Герметичная система, на которую работает едва ли не все население маленького баварского городка и которой уже второе столетие руководят прямые потомки Вагнера. Купить билеты в Байрейт так же трудно, как высидеть шести-семи часовые зрелые вагнеровские оперы (ранние здесь не звучат, они считаются недовыдержанными по стилю и идеологии). Из года в год Байрейт собирает одну и ту же публику, места в зале чуть ли не передаются по наследству. Здесь все так же, как было заведено в 1876 году самим композитором: часовые антракты для лучшего осмысления, невероятно узкие кресла (их крайнее неудобство отмечали великие посетители от Чайковского до Стравинского) и невидимый оркестр в яме не перед, а под сценой. Если что и поменялось за это время, то лишь режиссерские тренды, марка минеральной воды в буфете да одежда посетителей. С Вагнером сегодня не худо справляются и в Петербурге, но байрейтская ритуальная настоянность по-прежнему манит поклонников. В нынешнем году дают «Кольцо нибелунга» (цикл пройдет трижды), «Парсифаля» (пять раз), «Тристана и Изольду» и «Нюрнбергских майстерзингеров» (по шесть).

Время в Байрейте отсчитывается по новым постановкам «Кольца». Премьера тетралогии случается раз в пять лет и показывается все пять лет подряд, затем фестиваль берет годичную паузу и сооружает новую версию. Нынешнее «Кольцо» идет с 2006 года, изначально его должен был ставить Ларс фон Триер, но, к сожалению, недопустил. На подхват пригласили престарелого драматурга Танкреда Дорста, которому ради такой чести на девятом десятке пришлось освоить оперную режиссуру. Миф он сопрягает с бытом. Главный образ у Дорста — тенистый парк, заложенный во времена Третьего рейха. Боги «Золота Рейна» прозябают в виде садовых гипсовых скульптур, русалки резвятся как золотые рыбки, а потеряв сокровище, застывают к «Гибели богов» фонтанной композицией. Мировой яшень в «Валькирии» — рухнувший на жилище Хундинга фонарный столб, в «Зигфриде» дракон Фафнер обитает под строящимся автобаном. Танкред Дорст компилирует приемы и детали прошлых «Кольц», создавая вторичную постановку, где неуверенные попытки актуализации идут бок о бок с архаикой.

Куда более радикально и менее глубоко мысленно смотрятся «Нюрнбергские майстерзингеры» другого дебютанта, правнучки Вагнера Катарини, самого молодого ре-

жиссера за всю историю Байрейта. На премьере в 2007 году ее освистали — то ли за реформу постановочного канона, то ли за проявленную в ее ходе неумелость. Майстерзингеры соревнуются не в пении, а в живописи: скажем, бездарный Бекмессер, воплощение пошлости и рутины, выведен провокатором-перформансистом, порочащим contemporary art в духе «так даже я могу». Госпожу Вагнер хватило лишь на то, чтобы показать семейным ценностям средний палец, — разобрать, что у нее творится на сцене, невозможно, даже изучая фестивальную DVD; зрителям выдавали путеводитель, объяснявший, кто есть кто.

«Майстерзингеры» претендовали на роль символа байрейтского обновления, а им оказался прошлогодний «Парсифаль» Стефана Херхайма. Норвежский режиссер и не думал никого поражать, он даже присягал на верность, сделав местом действия «Парсифаля» сам Байрейт. Первая же сцена идет в интерьерах, списанных с байрейтской виллы Вагнера «Ванфрид». Всю дорогу Херхайм проводит мысль об открытости нового Байрейта: сцена, расширенная посредством зеркал, все время мутирует, уходят под колосники колонны, исчезают стены. Херхайм выстроил нелинейную мистерию, где одна историческая реальность проваливается в другую, а нацистские солдаты уступают место депу-

татам, заседающим в рейхстаге под стеклянным куполом сэра Нормана Фостера.

Главным событием фестиваля с премьерного 2005 года остается «Тристан и Изольда» Кристофа Марталера. Этот спектакль вообще отменяет категории места и времени действия. Выдающийся швейцарский режиссер — один из немногих, кто позволяет себе не ограничиваться никакими мифами, даже вагнеровским. Марталер аккуратно отделяет от «Тристана» все, с чем его принято связывать, — жажду любви-смерти, ревность, предательство, жертвенность. Отпарывает душную мифологическую подкладку, и музыка начинает дышать. Смыслы неуловимы, недосказанность прекрасна, шесть странных персонажей (они у Марталера всегда странные) слоняются в замкнутом пространстве и остановившемся времени. Главные герои мучаются от аутизма и одиночества, пыльные признания они проносят спиной друг к другу с разных концов сцены, а их предельная близость выглядит так: Изольда снимает перчатки с руки, Тристан вяло тянется к ней. Четыре с лишним часа не происходит ровным счетом ничего, а оторваться невозможно. На раскаленную музыку ледяная режиссура Марталера действует очень освежающе.

Байрейт, с 25 июля до 28 августа;
www.bayreuther-festspiele.de